

Скворцов Алексей

Эпос о Гильгамеше

О всё выдавшем

Таблица II: Встреча и дружба

Восстановление текста выполнено с использованием инструментов AI.
Автор Скворцов Алексей

18+

Алексей Скворцов

**О всё издавшем. Эпос
о Гильгамеше. Книга
2. Встреча и дружба**

«Автор»

2026

Скворцов А.

О всё выдавшем. Эпос о Гильгамеше. Книга 2. Встреча и дружба /
А. Скворцов — «Автор», 2026

Он — царь Урука, которому позволено всё: власть, страх, первая ночь невест. Она — храмовая жрица, знающая цену свободе. Боги создают ему соперника — дикаря Энкиду, не знающего слова «нельзя». Но соперник становится тем, кто видит царя насквозь. Пока Урук задыхается от обычаев и молчания, двое сцепляются в бою, чтобы понять: они — одно. Это тёмное мифологическое фэнтези о тирании, дружбе, любви и цене правды. О том, как пустота власти рождает врага, а враг становится братом. И о том, что боги не прощают тех, кто нашёл друг друга. Таблица II: Встреча и дружба. Книга воссоздана с помощью искусственного интеллекта на основе древних глиняных табличек «Эпоса о Гильгамеше», с сохранением духа первоисточника и глубокой психологической достоверностью.

© Скворцов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Введение	6
Глава 1. Степь и город	9
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Алексей Скворцов

О всё выдавшем. Эпос о Гильгамеше.

Книга 2. Встреча и дружба

Глава

Эпиграф

*Когда богов устали игры,
И глина стала прахом дней,
Один лишь царь, безумный, сильный,
Сидел на троне — и был ничей.
Он брал всё: хлеб, серебро, и жён,
И первую кровь, и первый страх.
Он был как бог — но был лишён
Того, что светит в чужих глазах.
И боги, видя пустоту,
Слепили из глины — его.
Не друга. Не раба. Не мечту.
Соперника. Чтобы он жил.
И тот, кто брал, — впервые взял
Не вещь, не тело, не трон.
Он взял того, кто его узнал.
И рухнул мир. И пал закон.
Так началась война без меча —
Война, где проигравший жив.
Где царь — не царь, где ночь — не ночь,
Где двое — одно. И это — нож.
Не в спину. В сердце. В самую суть.
В то место, где был только он.
И если ты читаешь — не забудь:
Это не миф. Это — закон.
Тирания рождает пустоту.
Пустота рождает врага.
А враг, назвав тебя по имени,
Становится тем, кем ты не мог быть.
И это — начало. Не конец.*

Введение

1. О чём эта книга

Эта книга — не пересказ древнего эпоса. Это — попытка заглянуть в трещину между строками. В то место, где клинопись молчит, где миф перестаёт быть мифом и становится жизнью. Жизнью, которая болит. Жизнью, которая пахнет потом, кровью, ладаном и страхом.

«Тирания и создание соперника» — это история о том, как боги — или система, или судьба, или случай — создают врага для того, кто не знает преград. И о том, что происходит, когда этот враг оказывается не тем, кем его послали.

Это история о Гильгамеше — царе Урука. Две трети бога. Одна треть человека. Но эта треть — самая опасная. Потому что человек в нём не знает, что делать с властью. Он берёт всё: хлеб, серебро, женщин, первую ночь невест, первый страх подданных. Он не злой. Он пустой. А пустота страшнее зла, потому что зло можно понять. Пустоту — нельзя.

Это история об Энкиду — дикаре, слепленном богами из глины. Он не знает слов. Не знает законов. Не знает, что такое «нельзя». Он знает только одно: если не он, то никто. И это делает его опасным. И это делает его человеком.

Это история о Шамхат — храмовой блуднице, которая знает цену всему, потому что за неё заплатили. Она — инструмент богов. Или системы. Или мужчин. Но она перестаёт быть инструментом, когда решает, что хочет большего. Она хочет свободы. Она хочет любви. Она хочет быть кем-то. И это делает её опасной. И это делает её человеком.

Это история о Нину — девочке, которую отдали царю. Она не плачет. Она считает. Она не молится. Она запоминает. Она не ждёт спасения. Она ждёт возможности. И когда она приходит — она не бросается в бой. Она идёт в храм. Она учится. Она становится жрицей. Она становится тем, кем должна была стать Шамхат. Но без иллюзий. Без смирения. Без страха. Она — будущее. А будущее — это всегда месть.

Это история об Иштар — богине любви и войны. Она не просто ревнивая женщина. Она — сила, которая требует порядка. Она — система, которая не терпит того, кто выходит за рамки. Она — та, кто создаёт соперника, когда теряет контроль. И когда этот соперник не подчиняется — она создаёт чудовище. Хумбабу. Кедровый лес. Смерть.

И это история о богах — далёких, молчаливых, жестоких. Они не помогают. Они не мешают. Они наблюдают. Они дают знаки — луч солнца, сон, пророчество. Но не говорят, к добру или к беде. Они — как судьба. Они — как жизнь. Они — как всё, что мы не можем понять.

2. Мир, в котором нет добра

Урук — это не просто город. Это система. Это машина, которая работает на страхе, на власти, на крови. Здесь каждый знает своё место. Здесь каждый молчит. Здесь каждый выживает. Здесь есть боги — но они далеко. Есть царь — но он не человек. Есть законы — но они для тех, кто внизу. Есть храм — но он кормится с того, что ненавидит.

Это безжалостный мир. Здесь убивают за лепёшку. Здесь продают дочерей. Здесь насилюют невест — по обычаю, по праву, по чести. Здесь никто не помогает. Здесь все смотрят. Здесь каждый — свидетель. И это самое страшное. Потому что когда все свидетели — все соучастники.

Но в этом мире есть трещины. Есть люди, которые не хотят молчать. Есть женщины, которые не хотят терпеть. Есть мужчины, которые не хотят брать. И эти трещины — начало конца. Или начало начала. Никто ещё не знает.

3. О чём молчат мифы

Древний эпос о Гильгамеше — это история о дружбе. О том, как царь-тиран находит равного себе — и меняется. О том, как дикарь становится человеком — и умирает. О том, как любовь между двумя мужчинами оказывается сильнее любви к женщине. Сильнее любви к богам. Сильнее смерти.

Но мифы молчат о многом. Они не рассказывают, что чувствовал Гильгамеш, когда впервые увидел Энкиду. Не рассказывают, что чувствовал Энкиду, когда впервые увидел город. Не рассказывают, что чувствовала Шамхат, когда её использовали. Не рассказывают, что чувствовала Нину, когда её отдавали. Не рассказывают, что чувствовала Иштар, когда её отвергли.

Эта книга — попытка заполнить эти молчания. Это не реконструкция. Это — реинтерпретация. Это попытка понять, что было бы, если бы эти люди — да, люди, а не символы — жили сегодня. Или всегда. Потому что тирания — она всегда. И создание соперника — тоже.

4. О чём эта книга (снова, но иначе)

Это книга о власти. О том, как она разрушает того, кто её имеет. О том, как она делает его пустым. О том, как пустота требует заполнения. И о том, как заполнение приходит — не в виде богатства, не в виде славы, не в виде женщин. А в виде того, кто видит тебя насквозь. Кто не боится. Кто не льстит. Кто говорит правду. И это — самое опасное, что может случиться с тираном.

Это книга о дружбе. О том, как она рождается — не из симпатии, не из выгоды, не из общих интересов. А из столкновения. Из боя. Из крови. Из того мгновения, когда двое смотрят друг на друга и понимают: мы — одно. И это — не любовь. Это — больше. Это — то, для чего нет слова. То, что боги не могут простить. Потому что это — их единственное поражение.

Это книга о любви. О том, как она бывает разной. Как Шамхат любит Энкиду — не как мужчину, а как возможность. Как Нину любит Гильгамеша — не как человека, а как идею. Как Иштар любит себя — и никого больше. Как Нинсун любит сына — и боится его. Как Таби любит Нину — и предаёт её. Как Гильгамеш любит Энкиду — и не знает, что это любовь. Потому что в Уруке такого слова нет. Есть «союзник». Есть «слуга». Есть «свидетель». Есть «жертва». А «любовь» — это то, что приносят в жертву. Или то, что жертвует собой.

Это книга о смерти. О том, что она приходит ко всем. К царям. К дикарям. К богам. К тем, кто любит. К тем, кто ненавидит. К тем, кто молчит. К тем, кто говорит. Смерть — это единственное, что объединяет всех. И единственное, что делает жизнь ценной.

Это книга о правде. О том, что она опаснее меча. Опаснее Быка Небесного. Опаснее Хумбабы. Потому что меч можно выбить. Быка можно убить. Хумбабу можно победить. А правду — нельзя. Она остаётся. Она ждёт. Она приходит. И когда она приходит — рушатся троны. Рушатся храмы. Рушатся жизни.

5. Почему вы должны это прочитать

Потому что это — не просто история. Это — зеркало. В котором отражается всё: власть и бессилие, любовь и ненависть, дружба и предательство, жизнь и смерть. Всё, что мы знаем. Всё, что мы прячем. Всё, что мы боимся признать.

Потому что это — иронично. Диалоги — острые, как нож. Персонажи — живые, как боль. Мир — жестокий, как правда. И в этом мире нет правых. Есть только те, кто выжил. И те, кто стал собой.

Потому что это — романтика. Не в смысле «love story». А в смысле «романтика борьбы». Романтика того, кто идёт против системы. Того, кто говорит «нет». Того, кто не боится умереть. Того, кто любит — так, что это страшнее смерти.

Потому что это — философия. Не в смысле «умные слова». А в смысле «вопросы, на которые нет ответов». Что такое власть? Что такое дружба? Что такое любовь? Что такое смерть? Что такое — быть человеком? И можно ли им стать, если ты — зверь? И можно ли остаться им, если ты — бог?

Потому что это — интрига. Каждая глава — поворот. Каждый поворот — неожиданность. Каждый персонаж — загадка. Никто не знает, что будет дальше. Никто не знает, кто победит. Никто не знает, кто умрёт. И это — самое интересное.

Потому что это — напряжение. Постоянное. Непрерывное. Как рука на горле. Как вода, которая нашла трещину. Как кровь, которая капает на плиты. Ты читаешь — и не можешь остановиться. Ты читаешь — и боишься перевернуть страницу. Ты читаешь — и хочешь узнать, что будет. Но боишься узнать. Потому что знаешь: будет больно. Будет страшно. Будет — правда.

6. О чём молчат боги

Боги в этой книге — не персонажи. Они — сила. Они — система. Они — то, что нельзя понять. Они дают знаки — луч солнца, сон, пророчество. Но не говорят, к добру или к беде. Они создают соперника — и наблюдают. Они посылают Быка — и наблюдают. Они пробуждают Хумбабу — и наблюдают.

Они — как жизнь. Они — как судьба. Они — как всё, что мы не можем контролировать. И в этом — их жестокость. И в этом — их мудрость. Потому что они знают: человек не может жить без врага. Без вызова. Без того, кто заставит его стать собой.

Гильгамеш был тираном, потому что у него не было равного. Боги дали ему Энкиду. И это — не милость. Это — наказание. Потому что равный — это тот, кто видит тебя. А быть увиденным — страшнее, чем быть убитым. Потому что убить — это конец. А быть увиденным — это начало. Начало боли. Начало правды. Начало жизни.

7. Что будет дальше

Это — только начало. Таблица II. Встреча и дружба. Но за ней — Таблица III. Лес Хумбабы. Таблица IV. Бык Небесный. Таблица V. Смерть Энкиду. Таблица VI. Поиск бессмертия. Таблица VII. Возвращение.

Это — эпос. Но не тот, который вы знаете. Это — эпос, который вы почувствуете. Который вы проживёте. Который вы не забудете. Потому что он — о вас. О вашей пустоте. О вашем враге. О вашем друге. О вашей любви. О вашей смерти.

Это — история о тирании. И о создании соперника. И о том, что соперник — это не конец. Это — начало.

Читайте. Если осмелитесь.

Но помните: тот, кто читает, — тоже свидетель.

А свидетель — тоже соучастник.

И это — самое опасное, что может быть.

Скворцов Алексей

Восстановление текста выполнено с использованием инструментов AI

Глава 1. Степь и город

I. Энкиду

Утро началось с того, что газель не посмотрела ему в глаза.

Она стояла в двадцати шагах, у кромки травы, и жевала что-то — сухое, жёсткое, прошлогоднее. Энкиду знал эту газель. Он знал её мать. Он знал, как она родилась — в дождь, под кустом тамариска, — и как она впервые встала на ноги, и как пахло её молоко. Он знал её тень. Он знал её страх. Он знал её сон.

Теперь она смотрела сквозь него.

Не на него. Сквозь. Как будто он был камнем. Как будто он был кустом. Как будто он был ничем.

Энкиду поднял руку. Медленно. Ладонью вверх — так, как делал всегда. Газель не двинулась. Она жевала. Она смотрела. Она видела — и не видела.

Он опустил руку.

Вода в ручье тоже была другая. Она не отражала его. Точнее, отражала — но как-то криво, косо, будто стесняясь. Энкиду наклонился, зачерпнул, поднёс к лицу. Вода пахла не так. Она пахла железом. Или это был его пот. Или это была кровь, которая ещё вчера была чужой.

Он сел на берег. Он смотрел на свои руки. Большие. Живые. С пальцами, которые помнили, как душить льва. С ладонями, которые помнили, как держать антилопу, пока она умирает. С кожей, которая помнила, как её царапали ветки, как её жгло солнце, как её лизал дождь.

Это были его руки. Но они были чужие.

Он не знал, что с ними делать.

Степь не отпускала его сразу. Она тянулась за ним шлейфом горячего воздуха, запахом полыни, шершавым шёпотом трав, которые ещё помнили его босые пятки. Он шёл — и ему казалось, что каждый шаг отрывает от тела тонкую плёнку. Ту самую. Звериную. Дикую. Неуязвимую.

Под ней оказалась кожа. Просто кожа. Тёплая. Потная. Смертная.

Шамхат сидела на камне в десяти шагах. Она не смотрела на него. Она смотрела на дорогу — туда, где степь переходила в пыль, а пыль — в дым, а дым — в стены. Она жевала стебель. Медленно. Как жуют женщины, которые знают, что спешить некуда. Как жуют женщины, которые знают, что если они перестанут жевать — они закричат.

Энкиду смотрел на её спину. На её волосы — чёрные, тяжёлые, с пылью дороги и запахом храма. На её пояс — с амулетами из меди и кости. На её ноги — босые, с грязными пятками, с мозолями, которые не были мозолями танцовщицы.

Он не понимал, что чувствует.

Благодарность? Ярость? Голод?

Всё вместе.

Это и было первым человеческим чувством, которое он осознал до конца. Всё вместе. Ни одно из них не было чистым. Ни одно из них не было простым. Каждое тянуло за собой другое — как верёвка, которую дёргаешь, а она тянет из воды что-то тяжёлое, мокрое, живое.

— Ты идёшь слишком тихо, — сказала Шамхат, не оборачиваясь. — Человек должен шуметь. Иначе его принимают за вора или за зверя.

— Я и есть зверь.

— Был, — поправила она. — Теперь ты просто мужчина. Это хуже.

— Почему?

— Потому что зверь не стыдится. А мужчина стыдится. Особенно утром. Особенно когда вспоминает, кем был вечером.

Энкиду остановился. В горле застрял сухой ком. Он хотел сказать, что она забрала у него не невинность, а целый мир. Что теперь газели не смотрят ему в глаза. Что вода в ручье больше не отражает его как брата. Что он один — впервые в жизни — один, потому что раньше он был частью степи, а теперь он часть чего-то другого, чего он ещё не понимал.

Но вместо этого сказал:

— Ты пахнешь дымом.

— Это Урук, — сказала Шамхат. — Он всегда дымит. Как жертва, которую никак не доедят боги.

Она встала. Медленно. Как встают женщины, которые знают, что за ними смотрят. Она посмотрела на него — впервые за утро. В её глазах было что-то старое. Очень старое. Как будто ей не двадцать пять, а тысяча лет. Как будто она видела всё — и не удивилась ничему.

— Ты голоден? — спросила она.

— Да.

— Это хорошо. Голод — это первое, что делает человека человеком. Зверь ест, когда может. Человек ест, когда хочет. Разница огромная.

Она достала из-за пояса лепёшку — сухую, тёмную, с отпечатком чьих-то зубов. Разломила пополам. Протянула ему.

Энкиду взял. Лепёшка была тёплая. Она пахла не так, как мясо. Не так, как трава. Она пахла чем-то другим. Чем-то, что он не мог назвать.

— Что это?

— Хлеб.

Он откусил. Жёстко. Сухо. Но что-то в этом было. Что-то, чего не было в сыром мясе. Что-то, что заставляло жевать медленнее.

— Вкусно? — спросила Шамхат.

— Не знаю.

— Это тоже хорошо. Если бы ты сказал «да» — ты бы соврал. Если бы ты сказал «нет» — ты бы обидел. А ты сказал «не знаю». Это честно. Это редкость.

Она пошла вперёд. Энкиду — за ней. Он смотрел на её спину. На то, как она идёт. Лениво и точно. Как женщина, которая давно поняла: мир не станет добрее от того, что она будет спешить.

— Почему ты пришла? — спросил он.

— За тобой.

— Почему?

— Потому что мне сказали.

— Кто?

— Храм.

— Что такое храм?

Шамхат остановилась. Она обернулась. Она посмотрела на него — долго, внимательно. Как смотрят на ребёнка, который спрашивает, почему небо синее. Как смотрят на старика, который забыл, как его зовут.

— Храм, — сказала она, — это место, где живут боги. И женщины. Иногда это одни и те же существа. Иногда нет. Но правила там пишут не те, кто молится. Правила там пишут те, кто молчит.

— Ты молчишь?

— Я умею молчать красиво. Этому меня учили с семи лет. Это дорогое умение. За него дают в жёны царям. Или в храм. Или в землю.

Она пошла дальше. Энкиду — за ней. Он не понял половины. Но он запомнил. Он запомнил всё. Это было новое. В степи он не запоминал. В степи он знал. А здесь — он запоминал.

— Ты была в степи? — спросил он.

— Да.

— Когда?

— Вчера. Когда шла за тобой.

— А до этого?

— Никогда.

— Почему?

— Потому что я родилась в Уруке. И умру в Уруке. Люди не выходят из Урука. Они выходят из Урука только в одном случае.

— В каком?

— Когда их выносят.

Она сказала это ровно. Без горечи. Без жалости. Как говорят о погоде. Как говорят о цене на ячмень. Как говорят о том, что нельзя изменить.

Энкиду молчал. Он смотрел на горизонт. Там, впереди, что-то темнело. Что-то большое. Что-то, что не было степью.

— Что это? — спросил он.

— Урук.

II. Шамхат

Она не сказала ему всего.

Она не сказала, что жрицы храма Иштар вызвали её вчера утром. Не сказала, что старшая жрица — женщина с лицом, как обожжённая глина, — сказала ей: «В степи появился зверь. Он не зверь. Он человек. Он не человек. Он — что-то третье. Приведи его. Или убей».

Она не сказала, что выбрала первое.

Она не сказала, что видела его раньше — во сне. Не в этом сне. В другом. В том, где она стояла на стене Урука, а внизу горел город, и огонь шёл к ней, и она не боялась, потому что знала: это не конец. Это начало.

Она не сказала, что когда она шла за ним по степи — три дня, три ночи, — она думала не о храме. Она думала о себе. О том, что если она приведёт его в Урук, что-то изменится. Не только для храма. Не только для царя. Для неё.

Она не сказала, что боится. Не его. Себя. Потому что она уже начала хотеть. А хотеть — это первое, что убивает женщину в Уруке.

Они шли по дороге. Дорога была старая — выбитая в камне, вытертая ногами, выжженная солнцем. По сторонам — поля. Ячмень. Пшеница. Финиковые пальмы с обрубленными верхушками. Крестьяне — сгорбленные, серые, с мотыгами. Они не смотрели на Шамхат. Они смотрели на Энкиду. На его обнажённый торс. На его спутанные волосы. На его глаза, в которых ещё плескалась степь.

Один из них — старик с лицом, как сушёный инжир, — остановился. Посмотрел. Сплюнул.

— Храмовая, — сказал он. Не ей. В сторону. — Опять кого-то ведёшь.

Шамхат не ответила. Она шла дальше. Энкиду посмотрел на старика. Старик отступил. Мотыга дрогнула в его руках.

— Почему он так сказал? — спросил Энкиду.

— Потому что я — храмовая.

— Что это значит?

— Это значит, что я принадлежу богине. Не мужу. Не отцу. Не себе. Богине.

— А богиня?

— Богиня принадлежит храму. А храм — жрецам. А жрецы — царю. А царь — богам. Круг замкнулся. Все принадлежат всем. И никто — никому.

Энкиду остановился. Он смотрел на неё. Долго.

— Ты не хочешь быть храмовой?

Шамхат засмеялась. Тихо. Беззвучно. Как сыпется песок.

— Хотеть — это роскошь, — сказала она. — У меня нет на неё денег.

Они поднялись на последний холм.

И тогда Энкиду увидел город.

Стены Урука не просто стояли — они дышали. Огромные, обожжённые солнцем, сложенные из глины и камня, они поднимались к небу, как рёбра какого-то исполинского зверя, заживо погребённого в земле. Над ними висел дым: серый, жирный, пахнувший жареным мясом, пивом, ладаном и потом. Где-то гудели барабаны. Где-то кричал ребёнок. Где-то умирал старик — и никто не оборачивался.

Энкиду почувствовал, как волосы на его руках встали дыбом. Не от страха. От восторга. И это было самое страшное.

— Что это? — спросил он.

— Урук, — сказала Шамхат. — Город. Люди живут здесь все вместе. Скученно. Шумно. Опасно. Но зато никто не съедает тебя в одиночку.

— Здесь едят людей?

— Здесь едят всё, — улыбнулась она. — Но красиво. С вином. Под музыку.

Они вошли в ворота.

Стража не остановила их — только скользнула взглядом по обнажённому торсу Энкиду, по его спутанным волосам, по глазам, в которых ещё плескалась степь. Один из стражников что-то сказал другому. Тот засмеялся. Энкиду не понял слов, но понял смех. Так смеются над тем, кого ещё не боятся.

Улицы обрушились на него, как река.

Люди. Руки. Голоса. Ткани. Медные котлы. Крики торговцев. Запах свежего хлеба. Запах крови из мясной лавки. Запах благовоний из храма. Запах немых тел. Запах денег — Энкиду не знал, что это деньги, но почувствовал: это то, чем пахнет власть.

Он увидел нищего без пальцев. Увидел собаку, грызущую кость. Увидел женщину, которая продавала себя у стены, и мужчину, который торговался. Увидел ребёнка, который украл лепёшку и был пойман за руку. Увидел, как его бьют. Увидел, как все смотрят. И никто не вмешивается.

— Почему они не помогают? — спросил Энкиду.

— Потому что помогать — дорого, — сказала Шамхат. — Здесь каждый спасает себя. Это называется «мудрость».

— Это называется «мерзость».

— Ты быстро учишься, — кивнула она. — Но не говори этого вслух. За «мерзость» здесь могут отрезать язык.

Он хотел броситься, оттолкнуть обидчика, поднять мальчишку. Но Шамхат положила ладонь ему на грудь. Тёплую. Тяжёлую. Как печать.

— Стой, — сказала она. — Ты не в степи. Здесь сила не решает. Здесь решает тот, у кого больше свидетелей.

— У меня есть сила.

— У тебя есть только тело, — сказала она. — А у них — стены. Законы. Боги. И царь.

Энкиду посмотрел на свои руки. Огромные. Живые. Руки, которые душили льва. Руки, которые могли сломать хребет быку. Но здесь, в этом муравейнике, они казались просто мясом.

— Кто такой царь? — спросил он.

Шамхат не ответила сразу. Она повела его дальше, мимо лавок, мимо храмов, мимо женщин с кувшинами на головах. И только когда они вышли на широкую площадь, где воздух дрожал от зноя, она заговорила.

— Гильгамеш, — сказала она. — Сын богини Нинсун и смертного. Две трети бога. Одна треть — человека. Но и эта треть такая, что лучше бы он был просто богом. Тогда его можно было бы задабривать. А его нельзя. Он не берёт даров. Он берёт всё.

— Он сильный?

— Он сильнее всех, кого ты видел. И, возможно, сильнее тебя.

— Возможно?

— Я не видела тебя в гневе, — сказала Шамхат. — А его видела. Это разное.

Энкиду нахмурился. Где-то внутри, под рёбрами, шевельнулось что-то острое. Не страх. Азарт.

— Он убивает чудовищ?

— Он убивает всех, кто ему мешает. Чудовищ — тоже. Но чудовища — это его работа. А люди — это его забава.

— Что он делает с людьми?

Шамхат остановилась. На площади играли дети. Пахло жареным ячменём. Старик продавал финики. Мир был почти мирным. И именно поэтому её слова прозвучали как приговор.

— Он входит к невестам, — сказала она. — В первую ночь. По праву царя. Никто не смеет отказать. Ни жених. Ни отец. Ни сама девушка.

Энкиду не понял сразу. Он знал, как это бывает у зверей. Самец берёт самку. Но там нет закона. Там есть только сила и время. А здесь был закон. И это делало всё грязнее.

— То есть он насилует? — спросил он.

— Это слово здесь не любят, — сказала Шамхат. — Говорят: «царь удостоил». Говорят: «честь». Говорят: «обычай предков».

— А что говорят женщины?

Шамхат посмотрела на него. В её глазах было что-то старое. Очень старое. Как будто ей не двадцать пять, а тысяча лет.

— Женщины говорят разное, — сказала она. — Одни плачут. Другие терпят. Третьи... — она усмехнулась, — третьи потом рассказывают, что им понравилось. И это самое страшное. Потому что когда жертва начинает любить клетку — клетка становится храмом.

Энкиду почувствовал, как земля под ногами стала горячей. Нет, это была не земля. Это была кровь. Она прилила к лицу. К кулакам. К сердцу.

— И никто не остановит его?

— Пробовали, — сказала Шамхат. — Их имена высекали на камне. Точнее, не имена. Просто «глупцы». Камень стоит у главных ворот. Можешь посмотреть. Если умеешь читать.

— Я не умею читать.

— Тогда тебе повезло. Некоторые знания стоят слишком дорого.

Мимо прошла свадебная процессия. Музыканты дудели в рог. Дети бросали лепестки. Невеста шла, опустив голову. Жених держал её за руку, и его пальцы были белыми, как мел. Он улыбался. Так улыбаются, когда внутри всё кричит.

Энкиду смотрел на неё. На её лицо. На глаза, в которых не было ни радости, ни страха. Только пустота. Как у антилопы, которую ведут на заклание. Она знала, что будет ночью. И все знали. И никто не мог ничего сделать.

— Кто это? — спросил Энкиду.

Шамхат посмотрела на процессию. Её лицо не изменилось. Но что-то в ней замерло.

— Это Нину, — сказала она. — Дочь купца. Её отдают сегодня.

— Кому?

— Таби, сыну кожевника. Но это не важно. Важно, что ночью придёт царь.

Энкиду смотрел на невесту. На её руки. На её шею. На её глаза.

— Ты её знаешь?

— Знаю.

— Давно?

— С рождения. Я была в храме, когда её приносили. Её мать приносила её показать жрицам. Тогда она была маленькая. Красная. Кричала.

— А сейчас?

Шамхат молчала. Она смотрела на дом купца. На факелы. На толпу.

— Сейчас она — как все, — сказала она. — Она уже мертва. Просто ещё не знает.

Энкиду смотрел на неё. Долго.

— Ты хочешь её спасти?

Шамхат не ответила. Она отвернулась. Пошла дальше. Энкиду — за ней.

III. Храм Иштар

Храм Иштар стоял на возвышении — так, чтобы его было видно отовсюду. Белёные стены, широкие ступени, медные ворота с изображением львов и голубей. Внутри пахло ладаном, миррой и женским потом. Жрицы ходили босиком, в белых одеждах, с распущенными волосами. Они улыбались. Они всегда улыбались. Это была часть работы.

Шамхат вошла через боковую дверь — ту, которой пользовались только свои. Она шла по коридору, и её шаги отдавались эхом от глиняных стен. Она знала здесь каждый камень. Она знала, где скрипит половица. Она знала, где пахнет сыростью. Она знала, где стоит статуя Иштар — и где у неё отбит палец.

Энкиду остался снаружи. Он стоял у ступеней и смотрел на статую. Иштар была изображена с двумя львами. В одной руке она держала кольцо, в другой — пучок колосьев. Её лицо было спокойным. Слишком спокойным. Как у человека, который знает, что победит.

Энкиду чувствовал, что она смотрит. Не глазами — их не было видно. А чем-то другим. Чем-то, что было внутри камня. Чем-то, что было древнее камня.

— Ты, — сказал он. Тихо. Только для неё. — Ты знаешь, кто я.

Статуя молчала. Но ветер — горячий, сухой, из степи — вдруг ударил ему в лицо. И ему показалось, что он услышал смех. Не женский. Не мужской. Никакой.

Он отвернулся.

Внутри храма Шамхат стояла перед старшей жрицей. Её звали Битту. Ей было сорок. Или пятьдесят. Или никогда. У неё было лицо, как обожжённая глина, и руки, которые помнили больше, чем хотели.

— Привела? — спросила Битту.

— Привела.

— Где он?

— Снаружи.

— Он видел статую?

— Видел.

— И что?

Шамхат помолчала.

— Он сказал «ты знаешь, кто я».

Битту подняла бровь. Одну. Медленно.

— Он сказал это статуе?

— Да.

— И что статуя?

— Молчала.

Битту подошла к окну. Посмотрела на улицу. Энкиду стоял у ступеней. Огромный. Грязный. С руками, которые могли убить. С глазами, которые ничего не боялись.

— Он не глуп, — сказала Битту.

— Я говорила.

— Он не глуп и не трус. Это хуже. Это значит, что его нельзя купить. Его можно только убить.

— Или использовать.

Битту обернулась. Посмотрела на Шамхат. Долго. Внимательно. Как смотрят на дочь, которая выросла и стала опасной.

— Использовать? — повторила она. — Ты думаешь, что можешь его использовать?

— Я думаю, что он — оружие, — сказала Шамхат. — А оружие не выбирает, в чьих руках быть.

— Оружие не выбирает, — согласилась Битту. — Но оно может взорваться в руках.

Она отвернулась. Подошла к алтарю. Зажгла ладан. Дым поднялся к потолку. Серый. Жирный. Пахнувший жертвой.

— Иди, — сказала она. — Отдохни. Завтра будет длинный день.

Шамхат вышла. Она шла по коридору, и её тень шла за ней. Она думала: «Я привела в город зверя. А зверь оказался единственным человеком в этом городе».

Она думала: «И что теперь со мной будет?»

Она думала: «И что теперь со всеми нами будет?»

IV. Площадь. Зиккурат

Энкиду шёл по площади. Медленно. Не зная куда. Просто шёл. Люди обходили его. Смотрели. Шептались. Он не обращал внимания. Он смотрел на зиккурат.

Он поднимался над городом, как палец, указующий в небо. Ступени. Ярусы. Стены. Наверху — что-то. Кто-то. Слишком далеко, чтобы разглядеть лицо. Но Энкиду чувствовал взгляд. Тяжёлый. Как рука на горле.

Он остановился. Поднял голову. Посмотрел.

— Ты, — сказал он. Не громко. Но так, чтобы услышали. — Ты ждёшь.

Ветер гнал пыль по ступеням. Никто не ответил.

— Я иду, — сказал Энкиду.

Он не знал, к кому обращается. Он не знал, слышит ли его кто-нибудь. Он знал только одно: наверху кто-то есть. И этот кто-то — ждёт.

Шамхат догнала его. Она запыхалась. Она схватила его за руку.

— Ты что делаешь?

— Иду.

— Куда?

— Туда. — Он кивнул на зиккурат.

— Туда нельзя.

— Почему?

— Потому что там — царь.

— Я знаю.

— Ты не понимаешь. Если ты пойдёшь туда сейчас, ты не вернёшься.

— Может, и не надо.

Шамхат отпустила его руку. Она смотрела на него. Долго. В её глазах было что-то, чего она не показывала никому. Страх. Надежда. Что-то ещё.

— Ты не понимаешь, — сказала она. — Он не просто сильный. Он — город. Если ты убьёшь его, город умрёт. Если ты не убьёшь его, умрёшь ты. Здесь нет выбора.

— Выбор есть всегда, — сказал Энкиду. — Просто иногда он стоит дороже, чем жизнь.

Он пошёл дальше. Шамхат осталась стоять. Она смотрела ему вслед. Она думала: «Он не вернётся. Я знаю. Он не вернётся».

Она думала: «И я останусь одна. Как всегда».

Она думала: «Но если он вернётся — всё изменится».

V. Жрицы. Ночь

Ночью храм Иштар не спал.

Жрицы собрались в маленькой комнате без окон. Их было пять. Битту. Шамхат. Ещё три — молодые, красивые, с пустыми глазами. Они сидели на циновках. Перед ними горела лампа. Масло было дешёвое. Пахло дымом.

— Он пошёл к дворцу, — сказала Битту.

— Пошёл, — подтвердила Шамхат.

— И что?

— Он не вернулся.

— Пока.

— Пока.

Битту смотрела на огонь. Долго. Потом заговорила.

— Мы не можем его убить. Пока не можем. Он нужен нам. Царь стал слишком сильным. Он забыл, кто его создал. Он забыл, кто его кормит. Он забыл, что он — не бог. Он — просто человек. Наполовину.

— Что ты хочешь сделать? — спросила Шамхат.

— Я хочу использовать его. Дикаря. Пусть он ослабит царя. Пусть он станет его тенью. Пусть он будет рядом. А потом... — Битту улыбнулась. — Потом мы найдём способ избавиться от обоих.

Шамхат молчала. Она смотрела на огонь. Она думала: «Она хочет убить его. И царя. И меня. Она хочет убить всех, кто знает».

Она думала: «Я должна предупредить его».

Она думала: «Но я не могу. Я — храмовая. Я принадлежу ей».

Битту посмотрела на неё. Внимательно. Как смотрят на человека, который думает не то, что надо.

— Ты его жалеешь?

— Нет.

— Ты его хочешь?

Шамхат молчала.

— Это не имеет значения, — сказала Битту. — Хочешь или нет. Жалеешь или нет. Ты — храмовая. Ты — не человек. Ты — инструмент. И ты сделаешь то, что я скажу.

— Что?

— Завтра. Ты пойдёшь к нему. Ты скажешь ему, что я хочу его видеть. Ты скажешь, что храм предлагает ему союз. Ты скажешь, что мы поможем ему. Ты скажешь всё, что нужно. Но ты не скажешь ему правду.

— А если он откажется?

— Он не откажется. Он — дикарь. Он хочет справедливости. Мы дадим ему справедливость. Мы дадим ему врага. Мы дадим ему царя. Он пойдёт. Он убьёт. Или умрёт. И то и другое — хорошо.

Шамхат встала. Она вышла. Она шла по коридору. Тёмному. Холодному. Она думала: «Я — инструмент. Я — не человек. Я — храмовая».

Она думала: «Но я не хочу быть инструментом».

Она думала: «Я хочу быть человеком».

Она остановилась. Прислонилась к стене. Закрыла глаза.

— Ладно, — сказала она. В пустоту. В глиняные стены. В свою жизнь. — Ладно.

VI. Гильгамеш. Зиккурат

Он стоял на зиккурате. Высоко. Выше всех. Выше жрецов. Выше советников. Выше богов — почти. Ветер трепал его волосы. Чёрные. Тяжёлые. Как мокрый камень. Он смотрел на город. На крыши. На дым. На людей, которые копошились внизу, как муравьи. Он знал каждого из них. По имени. По долгу. По страху. Он знал, кто платит налоги вовремя. Кто прячет зерно.

Кто изменяет жене. Кто бьёт детей. Кто молится по-настоящему. Кто — для вида. Он знал всё. И это знание не приносило ему радости.

Ему было скучно.

Не так, как бывает скучно человеку, которому нечего делать. А так, как бывает скучно богу, который всё сделал. Он победил всех врагов. Он построил стены. Он укротил реку. Он установил законы. Он взял всех женщин, которых хотел. Он убил всех чудовищ, которых нашёл. Он сделал всё, что должен был сделать царь. И теперь ему было нечего делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.